

**Владимир
ВЕЩУНОВ**

г. Нижний Новгород

САМОКРАТ

рассказ

Зеленоватая ельничная гривка горушки, выглядывающей меж домов, белёсо ступевалась. С пустыря, с болотины потянуло студёной сыростью. Туман разбавленным молочком растёкся в коробке двора. Дома, обычно облепленные легковушками, как матки кутятами, темнели голо, одиноко, будто и люди, и машины отбыли на похороны.

На пути весны этот двор был первым в городе. Казалось, солнце здесь светилось добрее южного: своя, мягкая погода — и природная, и людская. Но в проём между домами, как в крепостные ворота, из гнилых гнездовий лезли иногда серые туманы с въедливой сыпью-моросью. И двор словно вымирал.

Морось скатывалась в росные светлячки, жемчужно переливающиеся на листве и траве. Эта же пыль стягивалась в матовую марлёвку.

Вот и сейчас нежная облачность первых листьев будто перестала дышать. Одуванчики спрятали свои солнышки и сжались в старческие узелки.

Грузно, как сырой дым заводской трубы, низко над детской площадкой протащился древний ворон. Обычно он взлетал на «кобру» плафона уличного фонаря, воцарялся на нём и царственно взирал окрест. Точно ожидал, что сплотится туманов рать и хлынет океаном победно. «Ибо моя земля, а люди — пришельцы и поселенцы у меня», — словно провозглашал вещун. Теперь же, задышливо разинув клюв, не взглянул даже на свою тронную вышину.

И вновь — один туман... Будто небо хотело объять земной мир. Будто Вселенная хотела растворить в себе Землю.

Лишь Господь ведаёт, как сотворился человек. Должно быть, из тумана. Из него на лавочке детской площадки проступило размытое пятно, колыхнулось человеческое тенью.

Есть люди, идущие на зов дождя. Другие, заслышав зовущий стук вьюги в окно, её магический вокализ, спешат сродниться с ней. Плывут в снегах, в самих себя.

Человек на лавочке в пору стройотрядовской юности напевал под гитару песню с

лейтмотивом: «Нет ветра – жизни нет!» Ветер – энергия, яркое проявление жизни. Ветер летит, снег падает, дождь идёт, зной печёт... Повсюду деятельность, жизнь! Человек дождя, буранный, солнечный... Теперь же на старости лет – человек-туман. Седой, как туман, он выходил к нему, чтобы ощутить прикосновение живого, непостижимого. Сидел в дождевике над белым песком, как над чистым листом. Как над самим собой... Он всё успел сделать в этой жизни: построил дом, посадил сад, вырастил сына и дочь. А недавно проводил в невозвратный путь жену. Осталось одно грустное созерцание, когда небесная мудрость нисходит на землю. Мудрость – всегда печальна. И одинока. Одинокий туман... Однажды он уйдёт вместе с ним...

Ранний «наездник» промчался кругом по двору. На самокате. Ещё раз нарезал круг. К потрясению зрителя, мальчишка ни разу не оттолкнулся ногой! Самокат – катился сам!..

Лихой водитель будто почувствовал потрясение старика. Вихрем пронёсся перед ним, веером опесочив его штиблеты. Вздрыбил своего норовистого «вороного». Спешился, оглянулся на ошеломлённого старикана. Задорно взъерошил чёлку. Подвёл к деду самокат: стройный, воронёный, блескучий:

– Классная модель: Dехр speed! Скоростной! – Погладил стёклышко на руле: – Прикинь, деда, дисплей – электроника за всем следит: за электродвигателем, аккумулятором, контроллером.

– Стало быть, на электричестве самокат бежит! – восхищённо всплеснул руками старик. – А прибабасов-то на нём!..

– Хай-класс! Навороченный, супер! – глядел своего «супера» счастливый его обладатель: – Фары, подсветка, катафоты. Колёса бескамерные, десятидюймовые...

«Это ж сколько будет в наших сантиметрах?» – устыдился про себя старик своей безграмотности, но спросить мальчика постеснялся. А тот заливался соловьём, оглушая его техницизмами:

– Прикинь, деда! Баланс гироскоп держит, угол наклона. А функцию обратной связи выполняет рекуперация...

«Словечко-то какое! – сокрушённо покачал головой старик. – Без стопки и не выговоришь». И грубовато оборвал песню самокатчика:

– А ты почему без маски? Режим же масочный!

Тот округлил глаза и рот; чуть руль самоката не выпустил: огорошил старикан, ни к селу ни к городу брякнул! Встряхнулся от оцепенения:

– Папа сказал, что маски – для оттопыривания ушей, чтобы вешать лапшу! – шутник рассмеялся и тут же посерьёзней: – Папа говорит, что мировые богачи Ротшильды и Рокфеллеры вывели этого хмыря, ковида, в своих масонских лужах. Все страны зашугали. Сколько у нас стран, прикинь? Сто девяносто семь, вот. И только две не трухнули: Швеция и Белоруссия. Жалко, что Россия поддалась. Из мухи слона слепили. Мухослоновирус! – юный изобличитель расхохотался. – Мама папу ковид-диссидентом обозвала, а потом вообще ковидиотом. А он матерно назвал ковид хреновирусом. Они на этой почве серьёзно не сошлись характерами. Папа маму тоже обидел, что у неё сквозь маску зубочистка торчит. Прямо как дети в песочнице. Мама собирается вакцинироваться, а папа сказал, что вакцинация – это баксынация, она лярды олихаркату приносит. А ещё папа сказал, что локдаун – это нокдаун человечеству.

«Подкованный отрок! Да-а, не вирус гробит человечество, а борьба с ним!» – вздохнул про себя старик. Заметив его печаль, мальчик придвинул к нему самокат:

– Деда, а вы сколько весите?

– Тебя как звать, добрая душа?

– Юра Мерзляков.

Терёхин многих помнил во дворе. И догадался, что это внук Куркуля. Сын за отца... Внук за деда... Славный мальчик!

– Тяжёл я, Юра. Не удержит твой вороной меня. Зацепил ты меня, дружок. Настоящий рекламщик! Куплю себе такой же. Поможешь с ним разобраться?

– Ура! Вместе будем гонять! Наперегонки! Ура-а!.. – и заправский самокатчик принялся рассекать по двору и даже вылетел на проезжую дорогу, нарушив ПДД: малолеток ещё.

— Не чаял тебя увидеть, дружище, в таком облике, — вспомнил самокатное своё малолетство старик.

Самокат... Сколько он их намастерил! Двухколёсных и трёх-, с неподвижным рулём и на шарнирах... Альке тогда велосипед купили, не малышковый и не подростковый. Промежуточный — «Школьник». Ох и хвастался! Конечно, у Альберта родители — музыканты, с достатком. Да он и сам на аккордеоне на школьном концерте исполнял: «Песня из кинофильма «Координаты неизвестны». Поголжительность — две минуты тридцать секунд!»

Даже секунды подсчитал. Умилил весь актёрский зал вместе с родителями.

Но когда Терёха самокат сварганил — за-бросил Алик свой хвалёный велик и за-канючил:

— Терёха, дай покататься!

Тот на такое запанибратство маменько-папеньского сыночка лишь скривился и погнал по тротуару на своём красавце. Тоже музыкальный! На подшипниках. Гром — на весь квартал! А как пахнет! Дресвой, живицей, стекающей по сосновым «досточкам». Живой, родной!..

Заподхалимничал Альберт, как только не навеличивал Александра Ивановича Терёхина! Саня, Санёк, Санечка, Сашок, Шурик, Шура... Саня — сани. Шура — уборщица в магазине. А вот Саша — слышится приятно!

— Саша, ну Саша! — взмолился Алик. — Ну будь добр, ну дай хоть разок прокатиться! Ну Саша, ну, пожалуйста!..

Смилоствовался Саша, а сам велосипед оседлал. Алик по тротуару гремит не нагремится. Саша круги вокруг него нарезает. Сроднились, напрочь срослись со своими «лошадками». Да так под вечер и отправились по домам каждый со своей полюбившейся, бросив напоследок фронтное: «Махнём не глядя!»

Папаша набросился было на бестолочь со всем родительским гневом. Да сдержал свой пыл и велел недотёпе забрать велосипед.

Избежал Алька взбучки. На его счастье, чаёвничала у них дорогая гостья, известная пи-

анистка. Пришибленный приказом отца, бедолага не ожидал, что Терёха запросто отдаст велосипед. Вернув его, Алька с придыханием поведал о гостье. Что она настоящая француженка и лауреатка международных конкурсов, и что Вера Августовна преподаёт в музыкалке.

— Августовна?... — подозрительно сощурился Терёхин. — А как же она в Тагиле очутилась, да ещё в Нижнем?

— Мама вместе с ней работает и сказала, что пути Господни неисповедимы.

И вдруг Алька застыл и виновато заморгал:

— Сашок, я того... самокат забыл!

Тот завертел головой и пожал плечами:

— А я и не заметил... Да ладно, бери себе! Я ещё смастерю.

Алька ошарашенно уставился на добряка и кинулся обнимать:

— Вот это да-а! Ну ты даёшь, Саша! И ты кайся сколько хочешь на велике!..

— Вот тебе и пути!.. — по-взрослому мудро покачал головой третьеклассник Саша Терёхин.

Путницу неведомых путей он сподобился увидеть. Согбенная старушка споткнулась на ступеньках крыльца Алькиного подъезда. Терёхин неподалёку на доминошном столе мастерил новый самокат. Бросился к старушке, помог подняться.

— Мерси, мон шер! — поблагодарила она и добавила на ломаном русском: — Мой милый мальшик, майстер-столяр!..

Терёхин зарделся и догадался, что это и есть знаменитая музыкантша. Но тут же засомневался. Одета она была точно зэчка: выцветшие хэбэшная юбка и кофта, лагерные коцы. Таких пацанва зырила с Шихана — скалистой горы на берегу Тагила, возвышенной после Гражданской войны до Красного Камня. У подножья его в шеренгу распласталась дюжина барачков женского лагеря. Шихан — любимое приволье местной ребятни. В тёплую пору — отчаянные войнушки с коварными засадами в расщелинах скал. В снега — бешеные спуски на лыжах с крутизнами, головокружительные прыжки с круто слепого трамплина. Задыхаясь от страха и восторга, взлетал с трамплина на дальность чемпион Терёха. А впереди грозно дымилась

чёрная полынья. У-уф!.. И снова полёт! Отрада!.. А внизу справа — узницы...

Узницей тагильского лагеря с десятков лет промучилась Вера Августовна Лотар-Шевченко.

Родилась в 1901 году. Отец, Огюст Лотар, обожал русскую литературу. И дочке дал имя — Вера. С двенадцати лет она гастролировала по Европе, выступала с оркестром Артуро Тосканини.

Прославленная пианистка перед фашистской оккупацией Франции эмигрировала с мужем Владимиром Шевченко в Советский Союз. Талантливого инженера-акустика, выходца из России, в Париже нарекли русским Страдивари. Скрипки, сотворённые им, ни в чём не уступали знаменитым итальянским. И вот на этого незаурядного человека в начале войны завистники намарали поклёп как на шпиона. Супруга его Вера Лотар обила все пороги чиновных инстанций. Всякий раз на ломаном русском возмущалась идиотами, арестовавшими честного человека. «Идиоты» и её погнали по этапу.

В лагере хрупкую музыкантшу отрядили на кухню посудомойкой. Руки день-деньской стыли в холодной воде. Музыкальные пальцы, восхищавшие Европу, скрючивало артритом. Отчаянно борясь с недугом, во всякую свободную минуту Вера «пианировала» на разделочных досках, на столах, вспоминая ноктюрны Шопена, сонаты Бетховена, прелюдии Рахманинова.

И вот свобода! Вере Августовне за пятьдесят. Бывшую лагерницу не особо привечают в музыкальной школе. Перебивается она скудным заработком иллюстратора. Преподаватель рассказывает об «Аппассионате», а Вера Августовна исполняет произведение. Да как исполняет!.. И вот она уже преподаватель. Истово, до крови из-под ногтей, восстановила свою «лотаровскую» технику — и двести крупных фортепьянных сочинений!

Промысел Божий! В Нижнетагильский драмтеатр назначен молодой режиссёр Владимир Мотыль. Узнав о судьбе Веры Лотар-Шевченко, потрясённый, он снимает о ней документальный фильм. Приглашает её в

театр концертмейстером. И уже в звании режиссёра художественного фильма создаёт картину «Звезда пленительного счастья». Прообразом француженки Полины Анненоквой-Гёбль стала Вера Лотар.

Журнал «Советский экран» откликнулся на фильм восторженной статьёй. Этот номер «СЭ» Владимир Мотыль подарил своей героине с надписью: «Образ Полины я делал с вас, Вера». Позже во Франции вышел фильм «Руфь» с Анни Жирардо. Опять же прообразом главной героини явилась Вера Лотар.

Она грезит о сцене. И в 1965 году Алтайская филармония на афише объявляет о концерте своей солистки Веры Лотар-Шевченко. В программе — Бах и Дебюсси.

Случайность — непознанная закономерность. На этом концерте в промёрзшем Барнауле чудом оказались известный журналист и академик. Первый напечатал очерк «Пианистка». Второй заявил: «Академгородок — именно то место, где должны жить такие люди!» И на сцену академического Дома культуры поднялась сутулая пожилая женщина. Как она преобразилась за роялем! Академики ахнули! Плавающий факел! Волшебство! Победа духа над немощным телом!

Скоро её квартирка едва вмещала страждущих явления подлинной музыки, удостоенной внимания самого Пикассо. Гостей легендарной пианистки впечатлял его рисунок «Коррида» в простенькой рамке на стене.

Учёные обратились к министру культуры Фурцевой об организации концертов Веры Лотар-Шевченко по всему Союзу. Достояние страны! Глуховата оказалась главная по культуре.

Знаменитая физико-математическая школа Академгородка по духу оказалась сродственницей Вере Августовне. Она любил играть в ФМШ. Ей и завещала свой рояль, она особо чтит его, одногодка, с неповторимым звучанием. Теперь он обитает в музыкальной гостиной её имени.

В 2005 году в Новосибирске прозвучал фестиваль памяти Веры Лотар-Шевченко. Ныне это международный конкурс пианистов её имени. К 120-летию со дня рождения пианистки прозвучали концерты в Бетховенском

зале Большого театра, в Екатеринбургской, Омской, Новосибирской филармониях.

Чаще всего Вера Лотар-Шевченко оказывалась падчерицей своей судьбы. Но завещала начертать на могильном памятнике жизнеутверждающее: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна».

«Майстер-столяр» подлинно был мастером. Он рано потерял отца, но успел Иван передать сыну свою мастеровитость. Оставил о себе добрую память и ящик с продольной ручкой, доверху набитый важным мужицким инструментом, пригодным для всякого ремесла. Уже пятилетком Сашок пополнил убогую кухонную утварь скалкой, толкушкой, лопаткой для квашни. Сам выстрогал! Залатал матери и себе дырчатые валенки. Ссучил суровые нитки, просмолил варом-гудроном — крепкая дратва! Из голяшек изношенных пимов вырезал латки и пришил дратвой к подошвам с помощью сапожного шила. Из берёзовой чурочки наколот гвоздиков и для пушей крепости прошил ими подошвы. Всё чин чинарём! Отцовская выучка! Сносить не сносить!

Надумал обзавестись сарайкой. Углядел меж двумя сараями зазор: свободно можно поместиться. Близ квартала строился крытый рынок. Вечерами и по выходным пацанва мушкетёрила здесь на дранках, непрерывно жуя гудрон.

Хозяйственный мужичок Терёха притащил со стройки несколько охапок обрезки. И пилить не пришлось: в пору досочки подошли для собственного строительства. Нашкулял на рынке и гвоздей. Кривые любил с усердием править. И вот плотницкая музыка украсила двор. Торжественная! Ибо праздновался в тот день Великий Октябрь. И у Саши — праздник на душе. Своя сарайка, мастерская! Сухиса, Витька Сухнев, с парада с красным флагом пришеествовал. Демонстранты за доминошным столом бутылку опорожнили. Ой как пригодилась! Терёха её и выменял у Сухисы на красный флаг. Водрузил на своей новостройке. Ура! Слава Октябрю!

Тут сосед сараечный подступил. Барыга Мерзляков, по кликухе Куркуль. В двух сараях всякого барахла понапихал. В третьем его

любимый хряк визгом торжественные марши заглужал. В такой-то день! И сам Куркуль вот-вот залает, зарычит. Бульдожьши щёки затряслись:

— Сченок! Приходи вчера с мешком холщовым! Нисчеброд!

Ощерился. С остервенением кирзовым сапогом вышиб дверь терёхинской клетухи. Разворотил её, растоптал. В кирзачах — в такой день! Прибедняется, жила. У Терёхиной, дворничихи, сарайку, куда она ставила мётлы, лопаты и пешню, за бесценок для своего борова купил. Тогда Терёхины жутко бедствовали. Путьца Ивана Терёхина, сцепщика вагонов, прицепами зажало... Деньжата, которые на чёрный день крохами собирала кошка-копилка, гробовыми оказались.

Хотел было бравый свинарь победно пошагать от порушенной самоволки, да споткнулся о древко растоптанного им флага. Чуть не грохнулся. Выпутал кирзачи из кумача. Просверлил бульдожьими глазками свидетеля своего политического преступления. Сграбастал вещдок, прохрипел:

— Сченок!..

Отнёс Сашок уцелевшие досочки домой, сложил стопкой в углу рядом с орудиями дворничьего труда и своего — в инструментальном ящике. Хоть и крохотная квартирка, и места нет, но матушка и не попрекнула даже. Доверяла сыну. Третий класс. Большой уже. Самостоятельный.

Как только Алька с великом нарисовался, Терёха нос ему и утёр. Досочки в ход пошли. Проведал народ ребячий про подаренный самокат, чуть ли не в очередь выстроился:

— Алька и так богатенький! Вон у него велосипед какой! А ты, Терёха, ему ещё и самокат! Нечестно так!..

Досочек на самокаты хватало. А вот с подшипниками — беда! Для первого два ржавых нашлись в мусорке, отмыл ржавчину бензином. Огромный дощатый ящик с покатой крышкой находился в ведении тётки Нюры Терёхиной. Она величала это сооружение ларём, постоянно белила и густо посыпала его нутро после очистки хлоркой. На краю двора на бетонном постаменте он блистал белизной

и вызывал уважение у чистоплотных хозяев. Аккуратисты и чистюли, наводя в квартирах порядок, выбрасывали подчас добротные вещи. И тётя Нюра пополняла бедный семейный гардероб, мебельный гарнитур или кухонную утварь.

Когда сын, как заправский столяр, сладил такой завидный транспорт, мать прифрантила его в комбинезон, схожий со спецовкой знаменитых мастеровых Артамонова и Черепановых. Перелицевала найденное в ларе, подогнала под Сашеньку. Ефим Михеевич почти сродственник Александру Ивановичу. Тоже самокат выдумал, велик на самом деле. В Питер на нём к царю пожаловал, когда на того корону надевали. Подивился помазаник и ошедрил работягу-изобретателя золотыми рублями и свободой от крепостничества. Теперь первый в мире «самокат» Артамонова красуется в краеведческом музее. А перед зданием тоже мировое изобретение — «пароход»-паровоз отца и сына Черепановых. На площади перед драмтеатром памятник Ефиму Алексеичу и Мирону Ефимовичу возвышается.

Вот такие выдающиеся самородки водятся на тагильской земле. И Александр Терёхин по праву облачился в одеяние таких мастеровых.

Как ни рылся Сашок в благодатном ларе, подшипники не попадались. Загоревал. Кручину его заметил Володя. Когда он возвращался с работы, вся дворовая детва горохом сыпалась к нему:

— Володя идёт! Володя идёт!..

А ему уже за сорок перевалило. И каждый вечер у него полные карманы карамелек. Всем доставалось. Первым обычно его встречал шустрый Терёха. Но вот засмурел что-то.

— Ты чего, Сашок? Случилось что? — протянул ему Володя оставленную для него конфету.

— Спасибо! — со слабой улыбкой мальчик положил её в накладной карман комбинезона.

От Володи пахло дресвой. Саша стряхнул с его фуражки стружку:

— Ты — плотник. А мне бы подшипники... — он вздохнул. — Для самоката.

— Да мой сосед Гера — он же токарь. Всё!

Абгемахт! Бу сделано! Зер гут! Держи хвост пистолетом, Сашок!

29-й квартал называли «немецким». Его строили военнопленные: сплошь шлакоблочные двухэтажки. Разношёрстное население заняло эти весьма благоустроенные жилища. Но в основном — общежитники. И целый подъезд терёхинского дома выделили под общежитие. Двухкомнатную квартиру в нём предоставили передовикам в труде токарю Герману Шмидту и столяру-модельщику Владимиру Тугареву.

Удивительное соседство! Немец — и едва выживший в немецком аду русак. Война порушила жизни обоих.

В 1762 году Екатерина II пригласила жителей Европы переехать в Россию и поселиться на берегах Волги. Наиболее подвижными оказались немцы. К началу XX века поселилось уже 400 тысяч человек. В 1918 году декретом Совнаркома РСФСР была образована Автономная область немцев Поволжья с центром в Саратове, а в 1923-м уже Автономная ССР со столицей Энгельсом, бывшим Покровском. Проживало в ту пору в 22-х кантонах более полумиллиона человек. Налаженная жизнь крепко обустроившейся Немецкой республики враз обрушилась в августе 1941 года. Поволжские немцы были обвинены (некоторые из них поддерживали связь с исторической родиной) в сотрудничестве с Германией. Их выслали в Сибирь, на Урал, в Казахстан, на Алтай.

Герман был родом из Екатериненштадтского кантона. Заводские уважали его за мастеровитость и надёжность во всяком деле. Рослый, с нордическими чертами лица, он говорил с лёгким акцентом, изредка переходя на немецкий, которым вполне сносно владел его сосед.

— Володя идёт!..

Мало кто знал, что за плечами этого неказистого мужичка в лупатых очках — жесточайшая жизнь настоящего человека...

Кузбасс. Шахтёрская слава. Мечтал окончить горный техникум, работать горным подземным мастером. Но пришлось пройти су-

ровые шахтёрские «университеты». Побайвался спускаться в шахту. И вот — первый спуск! Люди ходят по штреку. Лампы горят. Не страшно. Работал отгребщиком. С нижнего горизонта на глубине триста метров отгружали за смену около трёхсот вагонеток. Ноги с непривычки подкашивались. Хотелось спать. Вздремнул как-то, руку в карман — а крыса пайку стащила! Чтобы взбодриться, плёлся к бочажку в выработке. Чёрный, отхаркивался углем, споласкивал лицо.

Сверху, с рудостоек дождило. Широкополые шляпы не спасали, и углекопы в них смахивали на грибы. И в общей мойке никто не отмечал половых различий. Так уставали!

В шестнадцать лет Володя отгребщиком вдосталь накатился уголька на решетки. Камеронщиком откачивал воду: забой и выработки заливало. Холодная резиновая роба. На ногах чуни. На калоши подшивали проволокой голенища из транспортёрной ленты. Эту обувку набивали соломой — всё теплее.

Девки катали вагоны с углем. При них грамотей Володька на отгрузке послужил отметчиком. Перешёл на ленту мотористом. Спецовка — рваньё. Свет чахлый: «вольфовые» лампы заправлялись с перебойми. Чёткий лампонос Тугарев устранил этот пробел в освещении. Да будет свет!

Лампы Вольфа заправлялись на поверхности бензином в ламповой. Володя заправлял семь ламп — толстостёклых, в проволочной сетке. Безопасную лампу углекопы величали благодетельницей. По ходкам, шурфам тащил Вовка «благодетельниц» к забою. Забирал сгоревшие — и снова на поверхность. И так шесть-восемь ходок за смену.

Хаживал мимо конюшни. Манил ядрёный её дух, острый запах конского пота; фырканье, ржание лошадей, покрикивание конононов, их отчаянная песня:

*Вот лошадь мчится по продольной,
По тёмной, узкой и сырой,
А коногона молодого
Предупреждает тормозной:
«Ах, тише, тише, ради Бога,
Здесь ведь и так большой уклон!..»*

К такому отчаюге кононону прикрепили тормозным Вовку. А ухарь был без тормозов. Шибко дружил с Савраской. Только заурочит, он коняге то кружку сивухи поднесёт, то трубку с самосадам. Выберется после смены на-гора — и понеслась душа в рай! Пить и драться — не жизнь, а малина! Рванёт рубаху на груди, захрипит со слезой:

*И коногона к шахтной клетки
Несли с раз-збитой головой!..*

Вовка коногонских гульбищ сторонился. И вскоре сам стал коногонить.

Тяжкий труд откатчиков постепенно заменялся конной тягой. В Америке вагонетки с углем по чугунке тянули мулы и даже собаки. Англичане запрягали пони. Последнюю такую шахтёрку они отправили на пенсию лишь в 1999 году.

Володе выделили Чубарку. Мухортая, мохноногая, чересчур пугливая, её частенько столбила оторопь. Стояла как вкопанная. То ей подземный лешак померещится, то на крысиного царя наткнётся. Да, крысиный царь — жуть несусветная! Огромный клубок, кишаший мерзкими тварями. От этого ужаса и коногона чуть кондрашка не хватала. Да ведь Тугарев — тугой, крепкий, стойкий. А Чубарка со страху калится... Сбегаёт коногон в конюшню за успокоительным. Сунет трусишке в пасть мешочек с мятой и зверобоем. Пожует, успокоится — и пять вагонеток с углём погромыхивают по чугунке к конвейеру. Ежели перегруз — опять как вкопанная. Вот чутьё! Права качает, гегемонка! А то и правда с устатку встанет. Лошади — как люди, тоже устают. Приложит Володька ухо к её нутру: частит сердце. Целительный мешочек в зубы.

Списали Чубарку — подругу подземной жизни. Закрыли слезные очи шорами, чтобы на свету совсем не ослепла.

Володя в тот скорбный вечер даже до овсянки не дотронулся. Так и уснул с ложкой в руке.

Скрестила мать горестно руки на груди. Мужа, горнорабочего забоя, в армию забрали. Сама на погрузке угля надорвалась. И сын

вот углем отхаркивается. Отправила Володенку оздоровиться к сестре на Украину.

Доброе гостевание у тётки Даши длилось недолго. Налетела фашистская саранча, пожгла деревни, колосистые поля. Сбили подростков в стадо, погнали в неметчину. Товарняк с рабсилой прикатил к концлагерю, запечатанному забором с колючей проволокой. Остарбайтер Тугарев стал номером 387. Выдали робу, башмаки и пайку: баланду и черствяк черняшки. Конвоиры, пожилые резервисты, построили остовцев, пересчитали, погрузили на бортовухи.

Номер 387, сибирский шахтёр, — в шахте Лотарингии. Однако после обрушения белого света, после сожжения хутора, могильного плача тётки Дарьи — всё виделось ему как в страшном сне. Рушилась изба в дыму пожара, задышалась, хрипела. Жёг глаза горячий чёрный пепел... Нескончаемо брёл до клетки, на каждом повороте пересчёт. Глубокий спуск. Тряска в вагонетках. Опять брели...

Очнулся — оглушительно строчил отбойный молоток. Штрек — длинный, уклонистый. Высота забоя меньше метра. В такой шели ползал с совковой лопатой на коленях, едва поднимал её с углем к рештаку. Задышался в духоте, от дурноты темнело в глазах. Штегер, начальник участка, лающе подгонял:

— Шнеллер!..

Еле отлежался после смены в барачном углу.

Володе с его малым росточком в норе забоя всё же было попроще управляться с погрузкой, чем остальным. Изюм сил держался, упирался. Душегуб штегер отбил нутро и лёгкие доходяге, который уже не мог держать лопату. Несчастный не мог даже баланду хлебать. Умер.

Тугарев дюжил, пока не обвалилась порода, придавило ногу. До конца смены пролежал в штреке. После лазарета десятник поставил 387-го на перестановку рештаков. Но неблагодарный руссише швайн поранил руку. Немец бил его нещадно каждый день.

Марши блицкригеров заглохли в Сталинграде. Пожилых резервистов сменили звери-полицаи. Особенно выслуживались прихвостни копы.

«Изысканную» баланду с брюквой заменила более скромная — с гнилой капустой. Липутские пайки кукурузного хлеба были достойны кисти живописца: глина в изумрудной плесени. Разломит номерной дистрофан такой тухлячок — и обласкает обоняние зеленовато-дымчатая плесневелая пыльца. Но даже каждую крошку этого яда истощённые мученики быстро подбирали с пола. На выгуле щипали траву в лагерном дворе. Над «скотом» потешались копы. Ржали, тыкали, били жвачных на подножном корму палками. Вот забава!..

Подземников, не выполнивших норму, избивали до смерти. Зверствовал коп диких кровей. Смуглый, волосы как смоль. Перед расправой над жертвой скидывал с себя крысиный китель, тельник, палачески поигрывал бицепсами-трицепсами и фогелем-киркой добивал немощного. Одному удалось сбежать от изверга, и он принял вольную смерть — повесился на рудстойке. Трое смельчаков сбросили чудовище в шурф и совершили побег.

Немцы расстреляли треть барака. Пригрозили и впредь беспощадно уничтожать за малейшее неповиновение.

Доходили слухи, что озверелые айнзацгруппы на захваченных землях устраивали «праздники урожая». Какая изуверская дьявольщина! Истребляли мирное население, стариков и детей. Герои! Соотечественники Гёте, Канта и Бетховена? Нет, порождения сатаны, исчадия ада!..

Слышалась железная поступь зимы. Тугарев нашарил в своём отороженном чердаке заваливающую спасительную мыслишку. Вырезал из деревяшки гимнастку и подвесил её за руки на турничке. В маечке, трусиках — всё при ней! Крутанул перед носом пьяненького копа — тот ещё больше захмелел. Какая соблазнительная фрейлейн! Швырнул ремкачу за красотку на турнике какие-то обмотки и мешок из-под цемента. Из него Володя сварганил обувь, наподобие моршней, а из обмоток — телогрейку.

Щелястый барак просвистывало насквозь. С потолка вострились ледяные сталактиты, по углам торчали сталагмиты. Всё нутро барака

обросло махровым инеем. Ледовитая пещера! Изнурённые подземной каторгой и смертным холодом барачники всё же пытались прыгать, чтобы согреться. Те, у кого не хватало сил, страдали от обморожений, от чахотки.

От чесотки, от болезней ползали полчища вшей. В бараке люто, как на улице. Люди замерзали, мёрли. А кровопийцы кишмя кишели, забирая у них последнее тепло. Из-за нестерпимого зуда барачники почти не спали. Плелись на улицу, на жутком морозе раздевались, стряхивали с лохмотьев кровососов, давили в швах белья. Обессиленные же расчёсывали язвы до кровавых ран.

Спали вповалку на щелястом полу, посыпанном стружками и опилками. Плотно прижимались друг к дружке, чтобы хоть чуточку согреться.

Однако по утрам среди выживших лежали окостенелые. С них стягивали одежду: всё теплее живым. Носильщики — сами полутрупы — до рва-могильника старались тащить умерших на руках. Падали с ними от изнеможения, отлёживались и из последних сил волочили их ко рву.

Тугарев такого кошунства не допускал. Даже через плечо не перекидывал. Внушал: «Ты же тугой, как тетива! Не позорь свою честь! Ты же человек — и несёшь человека». И, согнувшись луком, нёс на руках одеревенелое тело — последний путь человека.

*Прощай навеки, коренная,
Мне не увидеться с тобой.
Прощай, Маруся ламповая,
И ты, товарищ стволочной!..*

Со слезами цедил сквозь зубы «Коногона» и силился бережно положить свою скорбную ношу поверх штабеля из мёртвых, засыпанного извёсткой.

В бараке теснилось более двух сотен. Но каждый день-подбериха разрежал эту толчею.

Многие лагерники от безысходности с нетерпением ждали смерть-избавительницу: конец мучениям!.. В иных ещё теплилась надежда на избавление от мук. Они делились воспоминаниями о счастливой жизни на во-

ле, и эта светлая память разглаживала морщинистые, измождённые лица.

Раскачиваясь, сотрясаясь от кашля, Тугарев начинал свою коногонскую. Проживая с песней свою жизнь, с надрывом, в слезах, заканчивал:

*Я был отважным коногоном,
Родная маменька моя.
И погибаю на чужбине,
А ты останешься одна.*

Переделал концовку, подогнал под нынешний злой денёчек. И не убит пока. Жив!..

Песня разрывала души, страдальцы умывались слезами. И после переживательной тишины выжидающе смотрели на сибирского коногона. А он каждый подобный вечер скрашивал шахтёрскими байками или сказами, схожими с бажовскими.

Особо полюбилась слушателям бывальщина, где Володя выступает как бы сам. Обнадёживающая, жизнеутверждающая история. Даже очень правдивая, несмотря на сказочное невероятие.

— Пришёл на наш рудник парнишка и просится в коногоны. У него в роду одни горняки. Взяли попервости тормозным. Шахтёрская косточка, он быстро овладел подземными премудростями и вскоре сам стал коногонить. И полюбился он шахтёрскому братству своим душевным пением. До боли сердечной пронзал его высокий, на взлёте, скорбящий голос: «А коногона молодого несли с разбитой головой». Мнилось, что и рудник, и всё окрест плачет.

Будто по себе страдал коногон. Погнал он коня по продольной. А она тёмная, сырая. Тормозной всполошился:

— Куда ты гонишь! Да ещё под уклон. Скользко — и крутой поворот!..

Не выдержала рудстойка, треснула. Рухнула стена со сводом. Завалило коногона. Но не несли его с разбитой головой. Не нашли. Трое суток рыли, копали, искали... Не нашли. Стало быть, не жилец! Выпили за упокой души. Помянули...

А в то самое время смерть с отважным ко-

ногоном никак не могла совладать. Манит и манит его костлявым пальцем:

– Иди, иди ко мне, парнишечка! Я тебя ой как дождаюсь! Ложись, укладывайся поудобней!

А он в ответ:

– Ты, косая, сперва постели мне постель!

– Ишь ты какой! – возмутилась смерть. – Сам помер, сам и стелись!

– Нет, ведьма! – упирается парняга. – Потрудись уж, уважь!

– Что ж, уважу тебя, углекоп. Так и быть, постелю постельку вечную! – сняла с себя чёрный балахон с капюшоном, раскинула на штреке: – Прошу, ложись, дорогуша!

Отбросил ногой смертную подстилку некорный:

– Нет, хочу лечь на уголёк и родным угольком укрыться!

– У-ух, вредина! – огрызнулась карга и всё же принялась стелить угольную постель.

А паренёк сдёрнул с плеча коногонский кнут и давай понужать костлявую. Взыла окаянная и в старых выработках сгинула. Только эхо дикое пронеслось по штрекам...

Когда и как он вышел на-гора, никто не видел. Предстал перед дружками-углекопами – те рты поразевали. Кто в Бога верил, закрестился.

– Откуда ты взялся? Мы тебя искали-обыскали! Такая лава! Поминки справили...

А коногон смеётся:

– Рановато похоронили!

Не верят углекопы, думают, призрак перед ними, крестятся, молитвы нашёптывают. К матушке его сбегали. Она и признала сына. Погибшего – и выжившего!

Тишина торжественная воцарялась всякий раз при такой концовке. Смерть побеждена! Простой коногон вжарил ей кнутом. До смерти вжарил – самой смерти!..

Словно этой сказовой победой призвал Володя победу подлинную. Драпанула немчура, зарылась в крысиные щели. Грянули наши! Свобода! Однако и на родной земле достало волчьих ям и тупиков. Особисты жёсткие, с пристрастием, допросы остова учинили: не пособник ли, не предатель?..

Причислили Тугарева к репатриантам и отправили в трудбательон на уральский рудник. А какой из него горняк: кожа да кости. Отрядили плотничать на завод металлоконструкций. Он расширялся, и Тугарев с бригадой плотников сколачивал строительные леса. Силёнки после рабской неметчины ещё не окрепли. В конце смены не то что топор, молоток еле держал в руках, ноги подкашивались. В бараке смаривало, веки слипались. Напевая под нос «Коногона», начинал вырезать из дерева поделки. Гимнастку, выручившую его в лютую годину в фашистском лагере. Гимнаста, советского, с надписью «Победа» на груди...

Ходил по бараку немой. Клянчил, мычал жалобно. Для назидания выстрогал Володя четыре курочки: паслись они на плашке, а снизу грузик-гаечка на суровой нитке. Она связывала лапки курочек, гайка болталась – курочки клевали... Разлыбился немтырь, исторг благодарный клёкот – и бережно принял подарок. Понял: нечего побираться, можно и деток такими игрушками радовать за малую денежку.

Барачный призаводской посёлок. Жильцы – оторви да брось! Откинувшиеся с зоны, бывшие копы, вербота с Вятки; трудбательоновцы, выдержавшие муки ада неметчины; поволжские немцы... Внутрибарачные кровавые разборки, поножовщина на танцплощадке...

Матёрый эчара, весь в наколках, учредил приз. Сомкнул целковый в кубик. Много поверхностных разгадчиков напрасно кряхтело, ломая ногти, чтобы распечатать заветную денежку. Зажал Тугой её в кулаке – и явил на ладони распустившийся «цветочек» – рублик. И представил почтенной эковской публике свою гадательную штукерацию. Тоже кубик, только посолиднее. Дюжина крошечных шкатулок, скрытно запрятанных одна за одной. Крутил, вертел в воровских ловких руках этот хитрый кубик великий, всепроникающий «медвежатник»... Рассвирепел, швырнул непокорного на пол. Оторопел. Хлипкий скрытыш не разлетелся на кусочки. Устоял! Скромный предтеча мирового кубика Рубика. Тот изобрёлся лишь двадцать лет спустя после тугаревского.

Слава о Вовке-плотнике разлетелась по всему заводу. Повысили его до столяра-модельщика. Вытачивал он столярными резцами шаблоны для отливки новаторских производственных изделий.

В ту пору в городе особо прославилась заводская команда по хоккею с мячом. Тогда ещё заморскую шайбу не воспринимали. Застрельщиком в победительной команде ЗМК был паренёк Коля, шестнадцати лет от роду, с весёлой фамилией Дураков.

Местная пацанва и работяги валом валили на заводской стадион поглазеть на хоккейное чудо – на Дурака.

Ворох взъерошенных волос, горящие глаза... С неистовой страстностью, скалясь, как волк, он расстреливал и расстреливал ворота соперников!.. И никто не возвёл преграды неудержимому!..

Саша Терёхин с дружками не пропустил ни одной тренировки заводской команды. И здесь Дураков весь отдавался хоккею. Облако пара окутывало «молнию» на коньках. Жар спадал при розыгрыше стандартов. И стартовая скорость – снаряд, пущенный из пращи! В игре – то же самое... Молниеносный рывок, хлёткий, прицельный удар. Го-ол!.. Вратарь соперника в очередной раз сокрушённо взмахивает руками в крагах. А болельщики не унимаются – им всё мало:

– А-а-а!.. Коля, давай! Давай, Коля!..

После матча мальчишки взахлёб, перебивая друг дружку, восторгаются любимцем.

– Гля, Терёха, Коля коньками аж огонь высекает!

– Как в сказке!

– А клюшку-то он держит в левой руке. Одной левой всех играючи!

– А шарик оранжевый к клюшке так и липнет.

– И клюшка у него какая-то особенная, вогнутая.

– Сказывают, кто-то из заводских её лично под него подогнал.

– Не-е!.. Таковую волшебную – на ЗМК? Не-е!

– Алька, а Коля-то всего чуть выше тебя будет.

– Мал золотник, да дорог!

– Ещё как дорог!..

И мальчишкам, и всем болельщикам особо нравилась байка:

– Девчата, а почему вы не ходите болеть за команду ЗМК?

– Холодно! Мужики всё время пьют для сугрева и кричат: «Бей дураков!» («Бей, Дураков!»)

Саша тренировался в одиночку. Мать спозаранку вставала и он. Носы «снегурок» задорно закручивались. Потешные детские коньки. Он их прикручивал сыромятными ремешками к валенкам палочками. Такая «дерёвня» вызывала насмешки у обладателей «англичанок», которые крепились к ботинкам. В гордом одиночестве Терёха по заезженной до льдистого блеска дороге гонял проволочной клюшкой конский катыш. По двору часто погромыхивала телега старьёвщика. Залихватски сбив на ухо шапчонку, он отчаянно рекламировал:

Хозяюшки, голубки,

Богатая к вам едет скупка!

Баш на баш –

Прибыток ваш!

Собирал тряпьё, бумагу, худую алюминиевую и медную посуду, аптечные и одеколонные пузырьки и даже кости. За денежку или в обмен на платки, гребешки, заколки, на губные гармошки, воздушные шарики, фонарики, ножички, «пестики» с пистонками, на куклы с пупсиками...

Улыбчивая сивка-бурка его с длинной чёлкой обильно калилась: «выпекала пончики». На морозе они затвердевали и вполне годились в хоккейные мячики.

За таким хоккеем Терёху застала китайская дружба народов. Металлургический завод пригласил практикантов из КНР и разместил в общежитии. Поутру, поскрипывая по уральскому снежку, они чуть ли не строем вышагивали на практику к передовым советским мартеновским печам. В синей утеплённой униформе, меховых ботинках, белозубо скалились и засыпали 29-й горластыми иероглифами.

И вот на пути будущих китайских сталеваров явился занятный хоккеист.

– Хай! – хором вознесли на руках мальчика

вместе с хоккейной амуницией. — Холосо, руски капитана!

Завершал он от международного восторга и загорланил чему учили в школе:

Москва — Пекин.

Москва — Пекин.

Идут, идут вперёд народы —

За светлый путь,

За светлый мир

Под знаменем свободы!

Троекратное «ура» в китайском исполнении. С вознесением юного героя к счастливым русским небесам.

Международные узы пионера Терёхина с дружественной КНР особо упрочились в первый день весны, когда Александру исполнилось десять лет. В эту знаменательную круглую дату ему подарили кипу журналов «Китай» и синюю, как в униформе, толстую книгу Го Можо — соловья великого кормчего Мао Дзэдуна. Добропорядочная чета Боковых по партийной линии получила разнарядку — оформить подписку для укрепления дружбы народов. Скопилось этого добра с гималайскую гору. Но не со старьёвщиком же торговаться? Не так люди могут подумать. А тут дворничиха Нюра, соседка, на день рождения сынишки позвала. Как не уважить простого человека. Отвели гости Нюриных пирогов с капустой и треской, вкусили доброй вишнёвочки. Всё празднично!.. Однако в долгом сокрушении пребывала хозяйка. Как так? Люди высокой инстанции: он — по снабжению, она — заведует баней при ж/д вокзале. С достатком. И старые журналы мальчонке сбагрили. Хоть бы на маечку не покупались...

Юбиляр со скукой пролистал пяток «Китаев». «Слышен на Волге голос Янцзы. Видят китайцы сиянье Кремля».

— Слышен в Тагиле, — переименовал Терёха величавый слог песни «Москва — Пекин» и принялся за увесистый том Го Можо.

«Пусть расцветают все сто цветов» — красиво названо. Стих «Маки» поглянулся.

*Мы слышали, что когда-то
привезли нас из Ирана.*

Маки, цветы, горюют, как живые, словно люди.

Сто лет назад в Китае заправляли кроважидные англичане. Ненасытные барыги, они из прекрасных маков готовили наркотики, опиум, и травили народ.

*Мы, кляня убийц заморских,
проклинали и себя.*

Так горько плакали ни в чём не повинные маки. И как ликовали!

*И когда народ китайский
победил в своей борьбе,
имя доброе и славу
возвратили мы себе!*

Многokrратно и торжественно продекламировал эти строки почитатель Го Можо. Отнёс его книгу и пачку «Китаев» в школу. И библиотекарша присвоила Александру Терёхину высокое звание — китаевед.

Следующим вечером праздник юбиляра-китаеведа продолжился. К Терёхиным нагрянули два друга — Гера Шмидт и Володя Тугарев. Извинились, что поздно узнали о дне рождения, и вывалили перед Сашей кучу подарков: конфеты-печенье, яблоки-мандарины... И-и!.. Вот это да-а!.. Канадки-ножи, приклёпанные к ботинкам! Ключка — с автографом самого Дуракова! И его же оранжевый мяч. И подшипники разных калибров!.. Ошалел Саша, заморгал, заикался:

— Ни-иштя-як!.. Спа-а!.. Спаси-бо!.. — Бросился обнимать Геру и Володю.

Мать всплеснула руками, слёзно запричитала:

— Благодарствуем! Благослови вас, Господи! Добрые вы мои!..

Ни свет ни заря, раньше матери, Терёха выкатился на свой каток. Ледок на дороге по утрам ещё крепился — прошитый лучами мартовского солнца, днём ноздрился, раскисал до луж. Вот и спешил Сашок опробовать

потрясные коньки, чемпионские клюшку и мяч. Скоро первая смена в школу потянется. Эх, и хвастанёт перед Алькой и Сухисой! И перед Китаем!..

Закончился хоккейный сезон. Отгремели баталии на заводском катке: «А-а-а!.. Коля, давай! Давай, Коля!.. Бей, Дураков!..»

Служивый Николай Дураков четверть века сражался в рядах свердловского СКА. В чемпионате СССР провёл около пятисот матчей – и забил пять сотен голов! Девятикратный чемпион страны. Семикратный чемпион мира. Гений русского хоккея! Любимец отечественных и зарубежных болельщиков. Спросил его дотошный шведский журналист:

– Что означает ваша фамилия Дураков?

Покрутил Николай Александрович пальцем у виска. И писака вполне точно перевёл всему миру: «Дураков – мозг команды!»

Шведам русский хоккей пришёлся по душе. Они назвали его «бенди» – клюшкой. И упорно противостояли русским за первенство. На чемпионате мира 1969 года дружина, ведомая Николаем Дураковым, одержала над ними очередную победу. Капитана советской сборной титуловали королём бенди. В королевском замке Георга IV Адольфа состоялся банкет в честь победителей. Но сам король на торжестве не присутствовал.

– Двум королям в замке делать нечего! – отшутился его величество.

Во всём блеске предстал король русского хоккея в финале Кубка мира 2007 года среди ветеранов. Неудержимый! Забивной! В семьдесят два года!..

И этой легенде мастерил клюшки скромняга Володя. Подгонял под его невеликий росточек, выгибал под его левую, под его манер. Мастер – Мастеру!..

Такая вот давность... Более полувека не обращался к ней Александр Иванович. И какими дивными гранями просветлела она. Едва не стёрлись, не запылились... И связующая дата тех времён и здешних поразила Терёхина. Среди новостной ковидной неразберихи мелькнула дата – 85. Светлая. Столько исполнилось живой легенде русского хоккея – Николаю Александровичу Дуракову! Причастник

немалых его побед Владимир Тугарев простился с этим миром двадцатью годами раньше. В один день с легендарным дядей Васей – генералом армии Василием Маргеловым. Десантура любовно величает ВДВ – войсками дяди Васи. Командующий ВДВ, как и столяр Тугарев, подземничал коногоном. Два коногона почили в один день.

Хоккейный сезон завершился. Настал – самокатный. Вывалил Терёха на пол подшипниковое богатство. Шариковые, роликовые красавцы блистали перед ним. Разных калибров: однорядные, двурядные – набитые стальным «горохом». Наладил самокатный мастер целое производство, обучая дружков своему ремеслу. Особо ценились самокаты на «гремучих» подшипниках – без промежуточных колец.

Съехались обладатели этих классных марок и погнали по двору. Самокатный весенний гром заглушил свинячий визг в сарае Куркуля. И визг самого свинаря:

– Сченки! Оглоушили весь квартал! А ну бр-рысь!..

Но гонщики презрели дурного дякуса. Промчались с грохотом у него под носом.

Гром! Весны гонцы!..

В забытии старик осмотрелся по сторонам. Старый двор дышал, жил, продолжался... Полный жизненный круг человека хранил он. Прохождение жизни: от первого возгласа новорожденного – до последнего вздоха уходящего в неведомые пенаты старца. Иные и не выглядывали из него, из этого уклада.

Плотницкие руки в бороздах ещё пахли дрсевой, сосной, янтарными слезами живицы. И во рту хвойная свежесть жвачки из живичной серы.

Птицы тянутся из апостольских стран. Минула целая жизнь, а они всё летят и летят...

Давешний знакомец Юра примчался на самокате:

– Деда, вот тебе приглашение в магазин! – помахал яркой листовкой и торжественно вручил её Александру Ивановичу.

ElectroTown

**Настоящая революция передвижения!
Самый большой выбор электросамокатов!
Всем предьявителям приглашения – подарок!
Мы ждём Вас в нашем магазине!**

Старый дом под сенью прохладовейных тополей. Тихое, уютное зимование, бытование. Судьба непокорного тащит, а покорного ведёт. «Делай, Санёк, как должно, – говаривал себе Терёхин, – и будь что будет!»

Но в нынешние дни меняется всё: верх и низ, покой и смятение... Рубежное время!

– Тебе это, Терёхин, не пристало! – повертел в руках заманиху, скомкал, но не выбросил, сунул в карман.

Дома облачился во всё спортивное: лампасные шаровары, куртка на молнии, кроссовки сорочьего окраса. Всё чин чинарём! Молодцевато зашагал в «ElectroTown».

Десятки красавцев выстроились на смотр в шеренгу. Серые, чёрные, разных мощностей и размеров. Облюбовал было с заманчивым титулом: Ninebot by Segwei ES2. Всё при нём: мощная батарея на двадцатикилометровый пробег; обтекатели – крылья на колёсах; удобное сиденье и держатели для телефона и бутылки с водой. Однако цена этого совершенства кусалась. Да и цвета серого.

Александр Иванович в магазинах не толкался, занудной разборчивостью продавцов не раздражал. И хотя стоял сейчас перед ответственным выбором, долго не рядился. Перебрал ещё пару самокатов и остановился на вороной лошадке с милым названием Xiaomi Miia. И стоила она, простенькая, гораздо дешевле прочих. Он так и назвал её – Мила.

На Милочке своей разлюбезной дунул от магазина по обочине дороги, на которой гремели самокатные громы жизнь назад.

Полицейсер чуть не окосел на оба глаза и чуть не остался зайкой на всю жизнь, увидев старца – на электросамокате!

Владимир Николаевич ВЕЩУНОВ

родился в 1945 году.

Окончил художественное училище и педагогический институт.

Работал дизайнером, воспитателем детского дома,

учителем в рыбацком посёлке Приморья,

редактором Дальневосточного книжного издательства.

Публиковался в литературных журналах.

Автор книг повестей и рассказов.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

